

Янь Ицин неторопливо поднял голову и медленно произнес:

— Отвечая вашему величеству: строки принадлежат Янь Шэню из его «Поминального слова о древних поляжах сражений», написанного им в двенадцатилетнем возрасте.

Император тихо хмыкнул, долго молчал, а затем снова заговорил:

— А когда Янь Тинхэ вошел во дворец?

Старик немного подумал, прежде чем ответить:

— В двенадцать лет сдал уездные экзамены, в девятнадцать стал цзиньши, а во втором году правления Чжэдэ вошел во Внутренний кабинет.

Ю Цун задумался и снова погрузился в тишину.

Оставим в стороне политическую слепоту и амбиции этих отца и сына Янь, но если говорить о проявлении таланта в юные годы, тут и правда нечего возразить.

Хотя Янь Ицин намеренно вымолвил еще парочку похвальных слов в адрес Янь Шэня — сказав всё, что следовало и не следовало, — это напомнило ему о другом деле.

— Господин Янь, как вы думаете, сколько в Поднебесной подобных юных дарований?

Государство как раз нуждалось в людях. И пусть науки об ремеслах и торговле еще не получили должного развития, когда они разовьются, те одаренные юноши и мальчики рискуют повторить судьбу вундеркинда Чжун Юна.

Янь Ицин никак не ожидал, что император переведет разговор с Янь Шэня на эту тему, поэтому опешил и произнес:

— Ваш слуга... не знает.

— У меня есть одна дерзкая идея, — Ю Цун подался вперед и заговорил: — Можно составить два направления экзаменационных вопросов и разослать их по всей Поднебесной. Пусть все, независимо от пола и возраста, берутся за кисть и отвечают.

Одно направление, само собой, — математические и естественнонаучные задачи уровня высшей математики. Те, у кого хватит таланта и интереса дойти в них до сути, несомненно, смогут оказать огромную поддержку Министерству общественных работ.

Второе направление — политические эссе. Сначала нужно изложить собственную теорию о спасении страны через реальное производство, а затем написать сочинение на основе предоставленных материалов.

Здесь не сработает ни один из современных методов списывания.

Стоит лишь сделать мои задачи достаточно сложными, и даже если местные богачи задействуют все средства, чтобы собрать людей и решить их вместе, они вряд ли получат верные ответы.

К тому же, когда этих людей вызовут в столицу, я устрою им еще один экзамен, а тех, кто попытается вилять хвостом, как следует отхожу палками по задницам и выгоню вон.

Выслушав его подробный план от начала до конца, Янь Ицин замер в крайнем изумлении:

— Ваше величество, но ведь императорские экзамены проводятся раз в три года...

— Поэтому я и хочу учредить новое необычное испытание, — невозмутимо ответил Ю Цун. — Систему экзаменов придется реформировать, но тут нужен долгосрочный подход, спешка ни к чему. А пока можно поднять всю страну и дать детям из бедных семей шанс на раннее возвышение.

Возможно, они еще не разбираются в инженерии или коммерции, но при дворе найдутся любые люди и любые книги, которых будет достаточно для их углубленного обучения.

В стране пока не создано базовой сети университетов, да и экономической базы недостаточно для повсеместного открытия академий наук и училищ, поэтому приходится прибегать к таким ухищрениям и создавать временный класс для одаренных детей.

Остается лишь надеяться, что ученик Сюй Вэй ощутит мой незримый зов и со всех ног помчится в столицу.

— Император имеет в виду, что эти экзаменационные свитки после запечатывания будут разосланы по всем уездам, а затем их соберут обратно в столице для проверки? — ошеломленно переспросил Янь Ицин.

— Верно, — кивнул Ю Цун. — Проверку математических задач поручим Министерству общественных работ, за оценку политических эссе будет отвечать Сюй Цзе, а общее руководство набором новых талантов я возлагаю на вас, господин глава кабинета. Как вам такой план?

На лице Янь Ицина появилась улыбка, он кивнул:

— Подобный замысел можно назвать вполне надежным.

— Из государственной казны нужно выделить серебро для почтовых станций, а всех курьеров набрать из тех служащих, что ранее были сокращены в Гуанлусы, — пояснил Ю Цун. — Я опасаюсь, что местные богачи станут притеснять простой народ, отбирать ответы или давить на людей ради сговора, поэтому сборщиками и доставщиками свитков лучше назначить выходцев из дворца.

— Внутренний кабинет, разумеется, еще раз тщательно отберет кандидатуры и утвердит надзорные указы, — поклонился Янь Ицин. — Но если со всех концов страны в столицу должны прибыть сотни людей, боюсь, это случится не раньше следующей весны.

— Ничего страшного, — улыбнулся Ю Цун. — Я готов подождать и год.

Сейчас у казны нет денег на войны, да и свободных средств на содержание большого штата тоже. Когда экономика страны окрепнет, можно будет открыть еще одно новое экзаменационное направление и набирать талантов в военном деле.

Пусть в Китае пока нет полутора миллиардов жителей, по сравнению с другими странами мы всё равно находимся в совершенно иной весовой категории.

Император велел Хуан Цзиню принести фрукты и сладости, спустился с трона и еще немного поболтал с господином Янем за угощением, как вдруг хлопнул себя по лбу, чувствуя, что что-то не так.

Задавать всего одну задачу — слишком высокая вероятность ошибки.

Либо вообще не браться, либо составлять целый набор.

— Целый набор? И всё по теории чисел? — нахмурился Янь Ицин. — Ваше величество, эти люди понимают лишь теорию чисел, но не постигли мудрость мудрецов. Вряд ли из них выйдут подходящие чиновники.

— Их зовут не для того, чтобы делать чиновниками, а чтобы они занимались наукой, — объяснил Ю Цун. — Господин Янь, взгляните: в медицинских трактатах, в инженерной математике — науки поистине огромны. А если вечно изучать лишь те несколько десятков тысяч слов моральных наставлений Конфуция и Менцзы, из века в век повторяя одни и те же фразы, — разве это дело?

Янь Ицин долго молчал, совершенно не зная, как на это возразить.

Незыблемость ортодоксальности Четырехкнижия и Пятикнижия действительно нельзя подрывать.

И тем не менее, в том, что касалось науки, упомянутой императором, и впрямь таилось немало тонкостей и хитросплетений.

— Быть чиновником — это одно, чиновников призывают управлять страной, — с улыбкой наполнив ему чашку чая, невозмутимо произнес Ю Цун. — А те, кто занимается наукой, хоть и не обязательно станут участниками государственных дел, точно так же смогут послужить на благо родины.

Он лишь надеялся откопать парочку выдающихся умов, а уж тогда, как бы остальные ни сопротивлялись, он непременно вознесет их наверх.

Конечно, если Сюй Вэньчан окажется таким же упрямым, как Янь Шэнь, придется оставить его просто для занятий наукой...

Когда господин Янь уяснил все требования и вернулся во Внутренний кабинет составлять проект указа, император принялся в одиночестве выпивать и закусывать, прикончив под обильную трапезу целых две пиалы риса.

В последнее время он крутился как пчелка, так что аппетит у него заметно улучшился.

Неспешной походкой вернувшись в спальню, он вдруг почувствовал, что что-то здесь не так.

С чего это на полу кто-то стоит на коленях?

Юноша в белых одеждах с распущенными длинными волосами стоял на коленях прямо на пути к его дверям. Услышав шаги, он медленно поднял голову, и в его глазах заблестела влага.

У него были вишневые губы, нефритовая кожа, гладкие, струящиеся волосы и прекрасные, похожие на черный нефрит зрачки.

Разглядев его утонченные черты лица, Ю Цун долго хлопал глазами, думая про себя: да этот парень красивее меня самого, что за цирк они сегодня устроили?!

Хуан Цзинь со страхом и трепетом следовал позади, следя за выражением лица императора, и осторожно произнес:

— Ваше величество, господин Чжан переживал, что вы одиноки, и отыскал ребенка с безупречной родословной, чтобы он составил вам компанию.

Ю Цун механически повернул голову и сквозь зубы процедил:

— Составил — мне — компанию?

Евнух Хуан почуял неладное и виновато улыбнулся:

— Это старый раб плохо уследил за дворцовыми воротами, смилуйтесь, ваше величество!

— А где Лу Бин? — холодно бросил Ю Цун. — Позовите сюда господина Лу!

— Отвечая вашему величеству, господин Лу только что вернулся и всё еще заполняет списки в боковом павильоне, — доложил Хуан Цзинь.

Э? И вправду вернулся?

Ю Цун на мгновение опешил, а затем с каменным лицом произнес:

— Господин Лу связан со мной братскими узами, к чему эти формальности? Впредь не беспокойте его по таким пустякам.

Евнух Хуан поспешно отдал должное, а заметив, что император всё еще разглядывает смазливую юношу, тут же попросил разрешения удалиться и мелкими шажками выбежал из спальни, чтобы позвать господина Лу.

Пробыв при императоре столь долго, евнух, конечно же, прекрасно понимал все эти тайные движения.

Пусть император и рассердился, но, во-первых, не наказал ни его самого, ни господина Чжана, а во-вторых, не приказал прогнать этого мальчишку-фаворита — значит, всё происходило по принципу молчаливого согласия.

Хуан Цзинь шел довольно быстро, а позади семенила целая вереница маленьких евнухов.

Ему лишь было непонятно: если император и впрямь возжелал завести себе желанного мальчишку, то зачем в такой момент звать господина Лу?

Уж не вышло ли так, что у императора нет склонности к мужской любви, и он хочет пожаловать этого юношу господину Лу?

Когда евнух Хуан и вся дворцовая челядь удалились, в спальне вновь воцарилась тишина.

Ю Цун обошел вокруг стоявшего на коленях мужчины, глядя на подол его длинного шелкового халата и проступающую сквозь полупрозрачную ткань кожу, и внезапно бросил:

— Встань.

Стройный мужчина медленно поднялся. Он оказался чуть ниже его ростом, но производил впечатление создания утонченного и лучезарного.

Ого, да у этого парня кожа лучше моей, а задница круглее!

Ю Цун снова медленно сделал пару шагов вокруг него и неторопливо спросил:

— Как тебя зовут?

— Хэну, — юноша опустил длинные ресницы и тихо ответил.

А этот Чжан Цун мастер плести интриги.

Не пожалел крупных денег, подкупил евнуха Хуана и втихаря подсунул мне человека на ложе.

Конбины больше не могут рожать принцев, а сам я уже не стану делить ложе ни с одной женщиной, вот он и шлепнул себя по лбу, решив подкинуть мне такого невинного милашку?

Лу Бин с корзиной для еды в руках поспешно вошел внутрь. Не успел он даже отдать положенный поклон, как заметил императора, стоящего рядом с белоснежным фаворитом и с подозрением того разглядывающего.

И... зачем только его потребовалось звать в такую минуту?

— А-Пан? — глаза Ю Цун сияли, он повернулся и с улыбкой произнес: — Ты наконец-то вернулся?

Лу Бин бросил еще один взгляд на покорного юношу, молча отдал поклон и медленно произнес:

— Приветствую вашего величества.

Он преодолел немалый путь сквозь бури и непогоду, хлопоча по делам в столице и за ее пределами больше полумесяца, несколько дней подряд почти не спал, разбирая материалы и бухгалтерские книги в кабинете.

И вот, войдя в спальню и увидев этого смазливового мужчину рядом с императором, он почему-то почувствовал укол в сердце.

Сам не понимая, отчего ему стало так тоскливо.

Словно не замечая ничего странного, Ю Цун попросту проигнорировал стоявшего мужчину, в несколько шагов подошел к Лу Бину и с улыбкой спросил:

— Чего это ты притащил с собой корзину для еды?

Видя, что мальчик-фаворит всё еще здесь, а прогнать его неудобно, Лу Бин лишь тихо ответил:

— Возвращаясь назад, ваш слуга заглянул в Бяньцзифан, прикупил там половину утки, а еще привез бутылочку сливянки на красной сливе.

Взглянув на время, Ю Цун и впрямь почувствовал легкий голод, поэтому махнул рукой:

— Хэну, ступай пока в Западный теплый павильон. Без моего приказа не смей разгуливать где попало.

Хэну послушно отозвался и, неспешно волоча за собой шелковые одежды, послушно вышел.

Император даже не позаботился накинуть на него верхнюю одежду, позволив уйти в таком виде.

Лу Бин молча проводил его взглядом, и выражение его лица заметно смягчилось.

Вернувшись к стоявшему у них постоянному месту — тахте из гибискуса, Лу Бин вымыл руки, расставил для него винные чарочки и угощения, а затем выложил утку, от которой еще поднимался горячий пар.

На улице завывал сильный ветер, и по дороге сюда он прятал корзину под плащом, возвращаясь во дворец с максимально возможной скоростью.

Ю Цун по-прежнему позволял ему завернуть для себя кусочек жареной утки, подпер щеку рукой и лениво протянул:

— Сегодня Чжан Цун подкинул в мою спальню мужчину.

Лу Бин замер на секунду, совершенно не зная, как на это реагировать, и лишь молча наполнил для него хрустальную чашу.

Приняв кубок, Ю Цун сделал небольшой глоток и причмокнул губами, ощутив, как во рту разливается густой аромат цветов сливы.

Вот это и есть прекрасный вечер, дивные пейзажи да изысканное общество.

За окном свистел ледяной ветер, в комнате курились благовония.

Даже жареная утка оказалась жирной и хрустящей, а в сочетании с тонкими ломтиками огурца вкус получился просто великолепным.

— А-Пан, — изобразив на лице растерянность и невинность, он медленно заговорил: — Когда подсылают женщину, я понимаю, что это значит... Но почему мне подсунули мужчину?

— Зачем такого мужчину держат в спальне?

На этот раз Лу Бин не выдержал, мысленно выругав поднявшего бурю из ничего господина Чжана, и с деревянным лицом произнес:

— Ваше величество, это вино, кажется, немного остыло. Быть может... ваш слуга подогреет его?

— Ого? — в глазах Ю Цуна мелькнула искорка легкой улыбки. — А господин Лу, судя по всему, прекрасно всё понимает.

Именно ради этого император и позвал Лу Бина в самую первую очередь.

Назовите это дурным чувством юмора или вредным характером, но ему безумно нравилось наблюдать за тем, как Лу Бин смущается.

Лу Бин успокоился, и его брови, черные, как тушь на сосновой саже, приобрели холодноватый оттенок.

Чем сильнее он тушевался, тем сильнее Ю Цун хотел подразнить его.

— Ваше величество... — Лу Бин с досадой отложил только что завернутый блинчик с утки и неторопливо произнес: — Господин Чжан, должно быть, испугался, что вы одиноки, и прислал вам мальчика для утех.

Когда император еще был наследным удельного князя, в поместье царили строжайшие порядки, и ему ни за что не позволили бы соприкасаться с подобными вещами.

Но здесь, в столице, содержать сожителя-фаворита было делом привычным и заурядным.

Подобная неосведомленность императора в таких вопросах слегка его пугала.

— Мальчика для утех? — Ю Цун не спеша пережевывал эти слова, снова взял кусочек утки и, продолжая есть, спросил: — Разве мужчины могут тереться друг о друга щеками, словно возлюбленные?

Лу Бин опустил взгляд и в душе в очередной раз проклял господина Чжана на все лады.

— М? — Ю Цун следил за паникой в его глазах, испытывая неподдельный живой интерес.

— Пожалуй, так оно и есть, — стиснув зубы, медленно произнес Лу Бин. — Во времена Тао-цзу действовали суровые запреты, строго-настрого запрещавшие чиновникам якшаться с куртизанками, поэтому в столице постепенно укоренился такой обычай: заводить мальчиков для утех или содержать актеров театра — сплошь и рядом.

— Играть? — с любопытством протянул Ю Цун. — И как же в это играют?

Господин Лу за свою жизнь расследовал бесчисленное множество кровавых дел и считал, что его душевное равновесие невозможно поколебать.

Но после столь прямого вопроса императора он ощутил невиданное доселе давление.

Как играют?

И как мне ему это объяснить?

— Ваше величество, ваш слуга не слишком разбирается в деталях. Если вам так любопытно, можете спросить об этом у помощника министра Сюя.

Ю Цун никак не ожидал, что тот внезапно приплетет Сюй Цзе, чтобы прикрыть тылы, и, не удержавшись, прыснул со смеху, после чего махнул рукой:

— Ладно, забудь.

Сама по себе сливовая настойка обладала немалой крепостью, но цветочный аромат полностью заглушал винный дух, делая вкус сладким, словно у фруктового вина.

Император понятия не имел об опасности этого напитка, на волне энтузиазма осушил несколько чашек и опьянел сам того не заметив.

Находясь в туманном состоянии опьянения, человек обычно думает, что трезв как стеклышко.

В спальне и так было жарко, а Ю Цун, дойдя до кондиции, взял да и стянул верхнюю халатину.

Почувствовав, что повязка на голове давит слишком сильно, он просто взял и вытащил ту самую шпильку из слоновой кости, однако волосы распустились не сразу.

Сообразив, что император перебрал, и боясь, как бы тот не натворил глупостей, Лу Бин вытер руки, подошел ближе и аккуратно помог ему распустить узел на волосах.

В полупьяном состоянии Ю Цун полностью лишился сил, и теперь, когда Лу Бин приблизился, он просто прижался к нему в объятиях, позволяя расплести затейливую прическу и снять нефритовый венец. Водопад волос рассыпался по плечам до самой талии, еще сильнее подчеркивая изогнутые фениксовые глаза и легкий румянец на щеках.

Когда он улыбался, то становился точь-в-точь как в юности — с наивным и нежным выражением лица, от которого не хватало духу его оттолкнуть.

— Когда я был маленьким, как ты меня называл?

Придерживая его за плечи, Лу Бин аккуратно приводил в порядок спутавшиеся пряди и тихо вымолвил:

— Си-эр.

Наполовину пьяный, наполовину трезвый Ю Цун в этот момент даже удивился про себя.

Надо же, совпадение — прямо как мое детское прозвище в реальной жизни.

Играя кончиком собственных волос, он лениво протянул:

— Жарко как. Отведи меня искупаться.

Брови Лу Бина дернулись, и он глухим голосом произнес:

— Ваш слуга позовет служанок прислужить вашему величеству.

— Что, не хочешь услужить мне сам? — Ю Цун искоса глянул на него и протянул руку, ущипнув за щеку: — А-Пан, а ты смелеть начал.

Лу Бин вздохнул, подумав, что император и вправду напился, и ему ничего не оставалось, кроме как позволить тому обвить себя за плечи, наполовину поддерживая и наполовину прижимая к себе, повести в боковую купальню.

Услышав шум и заметив выражение лица господина Лу, служанки поспешно принялись

наливать воду и бросать лепестки цветов.

Ю Цун позволил помочь себе раздеться и при поддержке шагнул в воду.

В тот момент, когда его окутало теплом, он с наслаждением тяжело вздохнул, откинулся на валик у края бочки и позволил волосам распуститься на воде подобно цветам лотоса.

— Вы все свободны, — бросил он взгляд на служанок и инстинктивно приказал: — Я искупаюсь один.

Беспокоясь за него, Лу Бин мягко произнес:

— Ваше величество, после выпивки долго сидеть в воде нельзя, давайте вы немного омоетесь, и сразу выйдем.

Стоит напившемуся человеку забраться в горячую ванну, как это не только не снимает опьянение, но с огромной вероятностью лишь усиливает его.

Вся проблема была в том, что Ю Цун — император, и даже если он сейчас, упившись в хлам, прикажет снести голову Чжану Цуну, вряд ли кто-то осмелится его остановить.

Ю Цун осоловело похлопал своими фениксовыми глазами, и его руки начали вовсю шарить по шее Лу Бина.

Кожа у того была гладкой и горячей, а на ощупь — просто превосходной.

Заметив, что вокруг ни души, а император упорно не слушается советов, Лу Бин лишь с досадой тихо позвал:

— Си-эр.

— Мн-э? — беззаботно улыбнулся Ю Цун. — А я не выйду.

От поднимающегося пара его клонило в сон всё сильнее.

Среди поднимавшихся облачков пара лицо Лу Бина казалось неопишимо прекрасным.

Тот как раз наклонился ближе, словно собираясь помочь ему подняться.

В сонливом мареве Ю Цун протянул руку, закинул ее ему на шею, опустил веки и поцеловал.

Его губы были теплыми и мягкими, и даже самый легкий поцелуй источал сладковатый аромат цветов сливы.

Лу Бин замер. Испугавшись, что стоит ему отпустить императора, как тот соскользнет на дно водоема, он был вынужден обнять его еще крепче.

Но Ю Цун, закончив целоваться, склонил голову набок, прижался щекой к его сгибу локтя и прямо так, словно ребенок, сладко заснул.

Ощущение тепла на губах почему-то всё еще сохраняло слабый оттенок недавнего жара.

Лу Бин осторожно вынес его из воды, тщательно вытер мокрые волосы и тело, а на лице его по-прежнему не дрогнул ни один мускул.

Однако в сердце уже бушевали бурные волны, и эмоции были настолько сложными, что он и сам не мог в них разобраться.

Когда он целовал его, на губах по-прежнему играла та самая легкая улыбка.

Даже крошечные клыки едва-едва виднелись.

Заснувшего императора перенесли на мягкую тахту и укрыли одеялом.

Что, если после этого начнется похмельная рвота, а ухаживать некому?

Уходя, Лу Бин слегка нахмурил брови, и его тоже постепенно стала одолевать сонливость.

Вообще-то он ведь тоже выпил немного вина, иначе бы ни за что не стал потакать его безумствам.

Опустившись на пол у изголовья кровати, он прислонился спиной к подушке и бросил на него последний взгляд.

Только води себя смирно.

Великий страж Цзиньвевя смежил веки и незаметно для самого себя заснул.

Когда Ю Цун проснулся во второй раз, вокруг было пусто и тихо, лишь в голове слегка шумело.

— Евнух Хуан!

Хуан Цзинь поспешно вбежал во внутренние покои и осторожно поинтересовался:

— Каковы будут приказания вашего величества?

— Что... что было вчера? — растерянно спросил он.

Как так вышло, что после пробуждения он ничего не помнит?

-2-

— Вчера господин Чжан прислал вам спутника, которого вы потом отправили в Западный теплый павильон, — с осторожностью доложил Хуан Цзинь. — Вчера вечером господин Лу заходил с корзиной для еды, а сегодня чуть свет, до часа ин, ушел.

Ю Цун издал неопределенный звук, припоминая смутные обрывки воспоминаний.

Кажется, он пошутил с ним насчет Хэну, потом они вместе умяли половину утки, а затем он помылся и завалился спать?

Похоже, какую-то очень важную вещь он напрочь забыл... А, ладно, к черту!

Император взмахнул рукавом и неторопливо бросил:

— Подавайте утренний чай.

Прежде утренние трапезы во дворце состояли сплошь из блюд северной кухни.

Лепешки да каши в сопровождении пары закусок, а то и вовсе какие-нибудь пампушки.

Но император есть император, и кто внизу посмеет относиться к его прихотям спустя рукава, чего бы он ни пожелал.

Хотя Ю Цун не заикливался на великих делах, его вкусы менялись чуть ли не каждые три дня.

И хотя чай он пил исключительно из тех запасов, что хранились в казенных амбарах, каждый месяц он заказывал тридцать разных видов, ни разу не повторяясь, чтобы каждый день ощущать новизну.

Утренний чай — от прозрачных пельменей шаомай до лапши яньчунь и крошечных вонтонов — тоже готовился по постоянно меняющимся рецептам.

Наевшись досыта, император призадумался и изрек:

— Разве сегодня не нужно проводить утренний совет?

<http://bllate.org/book/20063/1984655>